

(Словом и) Духом, как говорит Давид: „Посла Слово свое и исцели их, и избави их от пагубы их“, и в другом месте тоже: „Послещи Дух свой и созиждутся, и обновиши лице земли“...» Дело в том, что Таронит понимал, чем руководствуется митрополит. У Иоанна Дамаскина мы находим подходящий к случаю совет: «Если иудей станет противоречить принятию Слова и Духа, то должно обличить его и заградить ему уста божественным писанием», и дальше следуют цитаты, среди которых есть и некоторые из тех, что успел привести Палама, и те, что следом привел Таронит.⁷⁵

Дружное и неожиданное для Таронита согласие относительно Слова и Духа, которое встретил Палама со стороны всех своих собеседников («... все вместе — и председательствующие, и окружающие ... божественной ли силой будучи на это подвигнуты или из-за того, что не в состоянии были возражать — согласились...»): «То, что ты говоришь, правда, и не может быть иначе», — объясняется, я думаю, тем, что богословская мысль и турок, и «хион» содержала что-то схожее с христианским учением о Боге-Слове. Коран не раз говорит о «слове» божием; и турки не могли, в частности, не вспомнить (это им напомнил Палама: «... признаете, что Христос есть Слово божие и считаете его Духом божием»), что Коран определяет Иисуса как «Слово и Дух бога» (гл. 2, ст. 127), говорит, что Иисус «есть Слово его (бога), низведенное им в Марию, есть Дух его (бога)» (гл. 4, ст. 169). Не без влияния христианского учения о Логосе и об отношении лиц в Троице мусульманскими богословами было развито учение о «сущности» и «свойствах» Аллаха. Они признавали присущность Аллаху речи (ка лам), обладающей божественной премудростью и способностью творить. «Хионам» же могла быть знакома и близка идея Филона Александрийского, имевшая хождение среди еврейских сектантов, о творящем Божием слове, а кроме того, как мы уже говорили, караимская философия находилась под влиянием мусульманской, и в частности — под влиянием именно учения ка лам.⁷⁶

Так или иначе, но достигнутое согласие было, конечно же, кажущимся. Турки и «хионе» вкладывали в «слово» не совсем тот смысл, что Палама. Это и обнаружилось, когда митрополит коснулся вопроса о соотношении пространственно-временной и беспредельной божественной сфер. Все в мире имело начало, было создано; «будучи же несозданным, как может Слово божие не быть богом? Ведь один бог не создан». Это для турок ясно. Но они не могут понять возможности встречи в личности этих двух сфер — богочеловечества Христа. Читатель, наверно, заметил, что в речи Григория Паламы слово «слово» мы пишем то со строчной буквы, то с заглавной: когда Палама имеет в виду слово вообще, — со строчной, когда — личность, одну из ипостасей Троицы, — с заглавной. Турки же, оказывается, воспринимают это слово всегда безлично, «с маленькой буквы». Для них это — некоторое свойство (когда речь идет о божественной сфере, то свойство непреходящее), но никак не личность, и уж, конечно, не земная личность. Отсюда их недоуменный вопрос: «Как ты говоришь, что бог родился и вместила его женская утроба, и многое другое такого рода?» Они предлагают компромиссное богословское решение: если уж христиане хотят считать Христа божественным, то сле-

⁷⁵ См.: Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина, т. I, стр. 165.

⁷⁶ См. выше, стр. 338, 340. Об учении ка лам см.: И. Гольддигер. Лекции об исламе. Изд. «Брокгауз—Ефрон», 1912, стр. 92—105; Encyclopédie de l'Islam, t. II, Leyde—Paris, 1927, p. 712—713. О еврейских сектантах см.: G. G. Scholem. Major Trends in Jewish Mysticism. New York, 1945, p. 114.